

С. А. Карлов

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАЕМНЫЕ РАБОЧИЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ НЭПА (1921–1929)

*Работа представлена кафедрой истории России
Гуманитарного института Сибирского федерального университета.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор В. В. Гришаев*

В статье рассматривается процесс формирования и динамики социального слоя наемных рабочих Восточной Сибири (1921–1929 гг.), их правовое положение и социальная роль.

Ключевые слова: *НЭП, наемные рабочие, социальная роль, сельское хозяйство.*

**AGRICULTURAL WAGE WORKERS
OF EASTERN SIBERIA DURING THE NEW ECONOMIC POLICY
(1921–1929)**

The article covers the process of forming and dynamics of the wage workers layer in Eastern Siberia (1921–1929), their legal status and social role.

Key words: *New Economic Policy, wage workers, social role, agriculture.*

Одним из последствий развития рыночных отношений в аграрном секторе экономики является формирование социального слоя наемных рабочих. Порожденная спросом, стала формироваться социальная группа, которая по разным причинам (невыплаты заработной платы в ОАО, миграция из города или бывших советских республик, острая нужда в средствах и др.), стремится предложить свой труд на продажу. Правовое положение и социальная роль этой группы населения на сегодняшний день недостаточно определены, и задачей государства является проведение мероприятий, решающих данные проблемы. В целях предотвращения конфликтных ситуаций и организации эффективного производства в сельском хозяйстве целесообразно использовать исторический опыт, приобретенный в годы НЭПа.

Допущение рыночных элементов в сельском хозяйстве в годы НЭПа обусловило увеличение спроса на труд наемных сельскохозяйственных рабочих (батраков). Источники с разной степенью точности раскрывают причины появления и динамику батрацкого хозяйства в сибирской деревне в годы НЭПа. Батраками становились по различным причинам: раздел бедняцкого хозяйства; стихийные бедствия и социальные катаклизмы, уничтожившие постройки и скот; многодетные семьи с малолетними детьми без трудоспособного главы; переселенцы, потратившие все средства на переезд; одинокие люди молодого и среднего возраста, не получившие стартового капитала для создания своего хозяйства; люди физически сильные, но с умственными отклонениями, а также большие алкоголики. За исключением двух по-

следних групп, все указанные представители сельских наемных рабочих, при благоприятных политико-экономических условиях и упорном труде, через определенный период времени могли создать бедняцкое или маломощное хозяйство [1, с. 48, л. 298].

Наем мог быть постоянным и поденным. В соответствии с законом, постоянным считался работник, заключивший договор с нанимателем на срок более 6 месяцев. Чаще всего постоянный работник проживал на квартире у нанимателя и питался его продуктами. «Постоянный» наемный труд условно делился на сезонный и годовой. Оплата труда батраков осуществлялась преимущественно натуральными продуктами: за три месяца работы постоянный рабочий-мужчина зарабатывал 1 пару сапог, 9 овчин, 20 фунтов шерсти и шаровары. За все лето (5–6 месяцев) он получал: урожай пшеницы с 1 десятины (50–55 пудов), 5 фунтов шерсти и 4 овчины. За 9 месяцев (февраль–ноябрь) батраку платили: 35 пудов ржи, 20 пудов пшеницы, шубу стоимостью 25 руб., валенки – 6 руб., бродни из простой кожи – 2 руб.

Другой вид найма – «поденщина» – был более выгоден для сельскохозяйственного рабочего, чем «постоянный» наем, в случае когда он жил в своем доме или в снимаемой квартире (не у нанимателя) и питался своими продуктами. На поденных работах взрослый мужчина зарабатывал от 1 до 1,5 пуда, а на тяжелых работах, требующих большой интенсивности, и более 1,5 пуда пшеницы в день. Женщине платили до одного пуда пшеницы в день. Подросток получал около 0,5 пуда в день. Однако поденщина была более всего распространена в селах, где процент зажи-

точных хозяйств был сравнительно высок и достигал 8% от всех хозяйств. Таких сел после установления советской власти на территории Сибири осталось мало, поэтому среди сельскохозяйственных рабочих было много безработных, которые соглашались наниматься на самых невыгодных условиях.

Сведения о денежной оплате труда батраков разноречивы. Между тем можно утверждать, что ее уровень значительно варьировался в зависимости от региона проживания и вида выполняемой работы. Так, средняя месячная зарплата сельскохозяйственных рабочих крестьянских хозяйств по Союзу ССР летом 1925 г. равнялась 16 руб. 18 коп.; в целом по Сибири взрослый мужчина получал зарплату несколько ниже – 14 руб. 09 коп. Данные по Восточной Сибири отрывочны и очень сильно разнятся. В Абаканском районе Минусинского уезда Енисейской губернии, если «постоянный» работник жил на квартире у нанимателя и питался за его счет, в среднем он получал всего 6 руб. в месяц; в Забайкальской губернии, напротив, получал больше, чем по Сибири и СССР, – 16 руб. 22 коп. В Заларинской волости Тулуновского уезда Иркутской губернии зарплата батраков была особенно высокой – 18 руб. (без учета стоимости питания) [2, с. 120, 165, 172; л. 65].

С развитием НЭПа, обусловившего увеличение объемов сельскохозяйственного производства, повысился уровень материального благосостояния батрачества. Батрацких семей, проживших в Сибири минимальный срок в 3–5 лет и не построивших собственный дом, не имевших участка приусадебной земли, корову, птицу, мелкий скот и т. д., не было. Исключение составляли одинокие, умственно отсталые или пьющие люди.

Наемным трудом пользовались все группы крестьян, за исключением семей, не имевших посевов, скота и построек. В составе таких семей чаще всего были работники, нанимающиеся на постоянной основе. Однако при наступлении более или менее благоприятных условий в экономике, и эта группа проявляла устойчивую тенденцию к переходу в бедняцкую группу. С началом свертыва-

ния НЭПа переход батрацких хозяйств в более состоятельную группу прекратился [3, с. 48, 49, л. 20, 21].

Формирование батрачества вызывало необходимость создания организаций, защищающих их права. Решения об организации профсоюзов и защите прав батрачества были приняты в резолюции X съезда РКП(б) и конкретизированы на заседании комиссии Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС). Одновременно были приняты законы, защищающие права батрачества [4, с. 47–49]. Принятые меры ставили предел безграничной эксплуатации батрачества. Результаты изучения архивных материалов, а также научных работ свидетельствуют, что отношение к батракам в сравнении с дореволюционными годами в какой-то мере улучшилось, «...наниматель не стал издеваться, как раньше» [5, с. 58].

В 1924 г. в Восточной Сибири начинают создаваться батрацкие профсоюзы «союзы работников земли и леса» (Рабземлес) или «батрачкомы». В 1925/1926 гг. наблюдался их рост и укрепление. Роль батрачкомов в жизни села и отношения с разными группами крестьянства отличались пестротой. В одних районах зажиточные и середняки враждебно относились к батрачкомам, в других – ничего не имели против них. Согласно выводам центральных партийных органов, сами батраки смутно представляли и плохо усваивали задачи своих организаций по борьбе с зажиточными и «кулацкими» слоями, поддержке мероприятий власти. Большинство из них считали, что профсоюзы должны были обеспечивать их работой. Многие надеялись, что батрачком поможет стать им хозяевами, выйти в середняки. Результаты исследования показали, что вопреки утвердившейся официальной версии советской исторической школы о социальной войне между крайними группами крестьянства, противоречия между ними были редкими и носили преимущественно экономический характер [6, л. 65].

В районах, где батрачкомы благодаря своей активности смогли защитить права своих членов, они имели авторитет среди

бедняцких групп и вызывали уважение у зажиточных. В Качугской волости Иркутской губернии батраки организованным выступлением заставили зажиточных повысить зарплату с 30 до 50 коп. в день. Батрачком Малышевской волости (Зиминский уезд, Иркутская губерния), насчитывавший 174 человека, в нескольких случаях заставил хозяев-нанимателей оказать материальную и медицинскую помощь работающим у них батракам.

Союзы «Работников земли и леса» контролировали заключение трудовых договоров между батраками и нанимателями. Это было необходимо, поскольку преимущественно все группы крестьянства, использующие наемный труд, старались это скрывать. Например, в Заларинском районе Иркутского округа в 1926/1927 гг. из 290 человек учтенных батраков работали по договору 160, или 55%. Обследования Сибири комиссией Сибкрайкома ВКП (б) и статистическими органами 1926, 1928 гг. показали, что только у 20% зажиточных наем батраков был оформлен трудовым договором. Чтобы избежать заключения трудового договора, наниматели использовали разнообразные способы: «усыновление», «опекунство» и т. д. [7, л. 2, 143]. В результате нарушались права батрачества. Объяснением сокрытий крестьянами фактов использования наемного труда может служить периодически усиливавшаяся экспроприаторская политика государства в отношении нанимателей.

Неустойчивость государственной аграрной политики дестабилизировала положение батрачества как социальной группы в течение всего НЭПа. Когда государство позволяло индивидуальному хозяйству развивать свои мощности, повышать свой материальный уровень, сельскохозяйственному рабочему легче было найти работу (иногда в нескольких хозяйствах одновременно), его труд выше оплачивался. В периоды усиления государственного давления на индивидуальное крестьянское хозяйство, оно сворачивало свое производство до потребительского уровня и, отказываясь от использования наемного труда, увеличивало тем самым безработицу сре-

ди батрачества. В 1925/1926 гг. в Восточной Сибири число крестьян зарабатывавших на жизнь наймом в других хозяйствах составляло в среднем около 6% от количества всех дворов. В 1928 г. произошло значительное сокращение найма постоянных работников зажиточными хозяйствами, среди батрачества резко увеличилась безработица. В результате на этапе свертывания НЭПа удельный вес «постоянных» наемных рабочих сократился почти в два раза. С 1928 г. наблюдался уход батраков на заработки в город, на стройки, на прииски и т. д. Дальнейшая ликвидация рыночных элементов в экономике привела к исчезновению этой социальной группы [8, с. 264, л. 68].

Таким образом, допущение рыночных элементов в сельском хозяйстве в годы НЭПа вызвало увеличение спроса на труд наемных рабочих в сибирской деревне. Батраками становились по разным причинам (социальные проблемы). Наемным трудом пользовались все группы крестьян, за исключением семей, не имевших посевов, скота и построек.

С развитием НЭПа повысился уровень материального благосостояния батрачества. Батрацких семей, проживших в Сибири 3–5 лет и не создавших своего хозяйства, не было. Оплата труда батраков Восточной Сибири была выше, чем среднесибирские показатели (особенно в Иркутской и Забайкальской губерниях).

Благодаря организации профсоюзов батрачества и принятию государственных законов, защищающих права батрачества, отношение к ним нанимателей, в сравнении с дореволюционными годами, улучшилось. Противоречия между крайними группами крестьянства были редкими и носили преимущественно экономический характер.

Социально-экономическое положение батрачества зависело от степени развития индивидуального хозяйства, положительным импульсом для которого было расширение государством рыночной свободы. В периоды усиления государственного давления на индивидуальное крестьянское хо-

зьяйство, оно отказывалось от использования наемного труда, увеличивая тем самым безработицу среди батрачества. Свертывание рыночных отношений в 1928 г. приводит к исчезновению социальной группы батрачества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы обследования сибирской деревни. Заларинский район Иркутского округа. Новосибирск: Издание Сибкрайкома ВКП (б). 1927. С. 48; Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ) Ф. 17. Оп. 85. Д. 495. Л. 298–300.
2. Третий краевой съезд советов Сибири. (9–15 апреля 1929 года): стенографический отчет / сост. и науч. ред. проф. И. А. Молеготов. Новосибирск, 1994. Ч. I. С. 120, 165, 172; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 190. Л. 65.
3. Материалы обследования... С. 49; Наш Союз в цифрах: сборник статистических материалов профессионального союза сельскохозяйственных и лесных рабочих – приложение к отчету ЦК пятому съезду Союза. М.: Работник земли и леса, 1926. С. 48–49; Центральный государственный архив Республики Хакасии (ЦГАРХ). Ф. 80. Оп. 1. Д. 18. Л. 20, 21.
4. *Рогалина Н. Л.* Коллективизация: уроки пройденного пути. М.: Изд-во МГУ. 1989. С. 47–49.
5. *Кузнецов И. С.* На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920-х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т. 2001. 233 с.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 190. Л. 65.
7. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 141, 143 (об.); Д. 2153. Л. 2; Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 145. Оп. 4. Д. 100. Л. 67, 68; Д. 83. Л. 143, 161.
8. Профсоюзы СССР: документы и материалы: в 4 т. Т. II: Профсоюзы в период построения социализма в СССР. Октябрь 1917 г. – 1937 г. М.: Профиздат, 1963. С. 264–265, 275, 371; ГАИО. Ф. 145. Оп. 4. Д. 100. Л. 68; Д. 83. Л. 143, 161.

REFERENCES

1. Materialy obsledovaniya sibirskoy derevni. Zalarinskiy rayon Irkutskogo okruga. Novosibirsk: Izdaniye Sibkraykoma VKP (b). 1927. S. 48; Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (daleye – RGASPI) F. 17. Op. 85. D. 495. L. 298–300.
2. Tretiy krayevoy s'yezd sovetov Sibiri. (9–15 aprelya 1929 goda): stenograficheskiy otchet / sost. i nauch. red. prof. I. A. Moletotov. Novosibirsk, 1994. Ch. I. S. 120, 165, 172; RGASPI. F. 17. Op. 67. D. 190. L. 65.
3. Materialy obsledovaniya... S. 49; Nash Soyuz v tsifrah: sbornik statisticheskikh materialov professional'nogo soyuza sel'skokhozyaystvennykh i lesnykh rabochikh – prilozheniye k otchetu TsK pyatomu s'yezdu Soyuz. M.: Rabotnik zemli i lesa, 1926. S. 48–49; Tsentral'ny gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Khakasii (TsGARKh). F. 80. Op. 1. D. 18. L. 20, 21.
4. *Rogalina N. L.* Kollektivizatsiya: uroki proydennogo puti. M.: Izd-vo MGU. 1989. S. 47–49.
5. *Kuznetsov I. S.* Na puti k «velikomu perelomu». Lyudi i nrawy sibirskoy derevni 1920-kh gg. (Psikhoistoricheskiye ocherki). Novosibirsk: Novosib. gos. un-t. 2001. 233 s.
6. RGASPI. F. 17. Op. 67. D. 190. L. 65.
7. Gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii Irkutskoy oblasti (GANIO). F. 1. Op. 1. D. 2200. L. 141, 143 (ob.); D. 2153. L. 2; Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti (GAIO). F. 145. Op. 4. D. 100. L. 67, 68; D. 83. L. 143, 161.
8. Profsoyuzy SSSR: dokumenty i materialy: v 4 t. T. II: Profsoyuzy v period postroyeniya sotsializma v SSSR. Oktyabr' 1917 g. – 1937 g. M.: Profizdat, 1963. S. 264–265, 275, 371; GAIO. F. 145. Op. 4. D. 100. L. 68; D. 83. L. 143, 161.